

«Бог создал весь мир, а мы его изучаем», — отвечал он и не видел никакой проблемы в этом вопросе.

С.В.РЫБАКОВ

МИР РУССКОЙ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.В.ВЕРНАДСКОГО

После прихода к власти большевиков из России за границу выехали такие известные историки как П.Миллюков, Р.Виппер, А.Кизеветтер, А.Нечволодов, А.Карташев, Н.Зернов, В.Зеньковский, Г.Флоровский. Они продолжали свою научную деятельность и на чужбине — с разной интенсивностью и разными результатами. Вместе с ними в эмиграции оказалась немалая группа молодых в то время людей, получивших историческое образование, но к моменту выезда еще не завершивших процесс своего профессионального становления. В условиях отрыва от родной почвы решать подобную задачу было очень непросто, и, конечно, не всем удалось этого добиться. Среди тех, кто достиг в эмиграции определенных научных достижений на поприще исторической науки, выделялись Г.Вернадский, С.Пушкарев, М.Карпович, С.Мельгунов, Н.Ульянов. Наибольших результатов среди русских историков-эмигрантов добился, несомненно, Георгий Владимирович Вернадский — сын Владимира Ивановича Вернадского, одного из крупнейших мыслителей XX в., всемирно известного ученого.

I

Георгий Вернадский родился в августе 1887 г. в Санкт-Петербурге. Его отец уже в то время был широко известен как крупный специалист в области геологии и естествознания. Дед Георгия — Иван Васильевич Вернадский — был политекономом, труды которого во второй половине XIX в. пользовались востребованностью. Как представитель рода потомственных ученых, Георгий с юных лет впитывал дух уважения к интеллектуальной деятельности и научному творчеству.

В 1889 г. семья Вернадских переехала в Москву. Здесь в 1905 г. Георгий закончил классическую гимназию с золотой медалью. В годы учебы в гимназии у него проявился интерес к истории, поддержанный его отцом — как и все крупные деятели науки, Владимир Иванович хорошо разбирался в исторической проблематике. Увлечение историей у Георгия носило предметный характер: он совершил множество экскурсий по окрестностям Москвы, во Владимир, в Суздаль, где основное внимание уделял осмотру памятников древнерусского зодчества. Осенью 1905 г. Вернадский-младший поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Он посещал курсы таких авторитетных профессоров как Савин, Петрушевский, Богословский, Кизеветтер, Виппер. Большое впечатление на него произвели лекции В.О.Ключевского.

Научным занятиям способствовала выявившаяся у Георгия склонность к академичному, несуетному образу жизни, отсутствие

публичного темперамента. Однако остаться совершенно аполитичным ему не позволяло его окружение. Его отец, перед которым он преклонялся, был членом центрального комитета кадетской партии вместе с такими известными людьми как писатель В.Г.Короленко, экономист П.Б.Струве, историк П.Н.Милоков. Идеологической платформой кадетов была национальная демократия. Партия была популярна среди большей части интеллигенции. Демократизм и патриотизм в умонастроениях кадетов сочетался с интеллигентским прекраснородушием, с верой в абстрактные идеалы, с некоторой оторванностью от живой практики. Спустя многие годы, уже в эмиграции, Георгий Вернадский получил письмо от бывшей активистки кадетской партии А.В.Тырковой-Вильямс, в котором она самокритично писала: «...жалею, что мы, кадеты, программы составлять умели, а осуществлять их оказались совершенно неспособны»¹. Как бы там ни было, в университетские годы Георгий под влиянием своей среды вступил в студенческую фракцию кадетов. При этом научные интересы для него оставались приоритетными, о чем свидетельствовал, к примеру, факт его избрания летом 1908 г. делегатом от Московского университета на международный конгресс славистов в Праге.

Уже в студенческие годы Вернадский продемонстрировал широкий исследовательский кругозор, но более всего его интересовала тема взаимоотношений Древней Руси с Востоком. Закончив университет в 1910 г., он занимался обработкой архивных материалов, касающихся истории Сибири, а через три года — после переезда в Санкт-Петербург — он начал сотрудничать со знаменитым профессором русской истории С.Ф.Платоновым, стал писать под его руководством магистерскую диссертацию по теме «Русское масонство при Екатерине II». Сам Вернадский масоном не был, решительно отвергая все поступающие ему предложения о вступлении в масонскую ложу. Работать над «масонской» темой Георгий начал по настоянию Платонова, но при этом продолжал собирать материалы, касающиеся отношений России с Востоком. Первые его научные статьи, написанные в 1914—1915 гг., были посвящены освоению русскими Сибири — «О движении русских на восток», «Против солнца». Распространение русского государства к востоку», «Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века».

Весной 1914 г. Георгий Вернадский получил звание приват-доцента Санкт-Петербургского университета. Погружение в научную и преподавательскую работу вполне соответствовало его природным наклонностям. Казалось бы, его жизненная стезя надежно определена. Но в его судьбе происходит крутой перелом, ставший прямым следствием перелома в российской истории. Защита диссертации Вернадского была назначена на 22 октября 1917 г.. К тому времени в Питере царила атмосфера надвигающейся катастрофы. Временное правительство выявило свою полную недееспособность, большевики активно готовились к захвату власти. Однако академическая среда жила своей автономной жизнью, и защита диссертации Вернадского успешно состоялась. 25 октября он выехал в Пермь, где его ждала жена, и где он незадолго до защиты получил должность и.о. профессора русской истории в местном университе-

те. Лишь в Перми он с изумлением узнал, что в день его отъезда из столицы там произошел большевистский переворот. Октябрьскую революцию ни Георгий, ни его отец не приняли.

Началась вторая фаза жизни Георгия Вернадского, наполненная калейдоскопической сменой обстоятельств, ситуаций и связанных с ними переживаний. Некоторое время Пермский университет оставался в стороне от политических потрясений. Вернадский принимал деятельное участие в становлении университетского образования на Урале, выполнял большой объем методической работы, содействовал созданию в университете «Общества исторических, философских и социальных знаний», в работе которого активно участвовал. Попутно он изучал материалы по истории Урала и Сибири, овладел татарским языком. В то время Пермь жила интенсивной церковно-религиозной жизнью, здесь Георгий открыто и осознанно обратился к православным ценностям. Он протестовал против грубых антицерковных выпадов воинствующих атеистов и гонений на Православие. Позднее, в книге «Ленин — красный диктатор» он подверг критике вождя большевиков за стремление подавить религиозно-духовную свободу людей: «Ленин считал, что религия является основой человеческого индивидуализма: в человеческой душе она занимает место неприступного убежища, укрытия, уголка, недоступного наблюдению и контролю со стороны политической партии. Борясь против индивидуализма, стремясь поставить всех на службу партии, Ленин закономерно должен был наносить удары по религии...». На воцерковление Георгия влиял и авторитет отца — Владимир Иванович так писал о своих религиозных убеждениях: «Я считаю себя глубоко религиозным человеком. Могу очень глубоко понимать значение и силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии для меня ясна...Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменяют»².

С ужесточением большевистского режима Георгию пришлось скрываться от преследований ЧК. В середине 1918 г. ему удалось выбраться в Москву, а оттуда — в Киев, где его отец стал первым президентом Академии наук Украины. Георгий при содействии Вернадского-старшего был избран профессором Симферопольского филиала Киевского университета и уехал в Крым. Но вскоре Крымский полуостров стал ареной жесточайшего вооруженного противостояния между красными и белыми, власть там несколько раз менялась. В те месяцы русская интеллигенция испытывала мучительную драму, избавляясь от либеральных иллюзий. Георгий не мог не задумываться о причинах возникшей русской смуты, ставшей для многих сильнее моральным потрясением. Эти причины он связывал с безверием, нигилизмом интеллигенции, ее высокомерием к низам.

По примеру своего отца Георгий сотрудничал с администрацией генерала Деникина, а затем — барона Врангеля. В сентябре 1920 г. он согласился принять должность начальника отдела печати в правительстве Врангеля. Но поработать ему в ставке Врангеля в Севастополе пришлось совсем недолго. Уже в октябре после окончательного поражения белых Вернадскому вместе с женой пришлось влиться в общий поток эвакуации. Если Вернадскому-старшему определенные гарантии от большевистских преследований давало его

всемирно известное имя, то Георгий реальных шансов избежать репрессий не имел.

На протяжении 1921 г. Вернадский, находясь в Константинополе, испытывал тяжкую нужду. В августе того года он записал в своем дневнике: «Тоска о России и боль в душе невыносимая»³. Переезд в Афины позволил ему вернуться к научной деятельности, он стал работать в библиотеке Греческой археологической ассоциации, изучая источники по истории Византии. В феврале 1922 г. переехал в Прагу, где приступил к чтению лекций на Русском юридическом факультете Карлова университета. В Праге историк издал курс лекций по российскому праву в XVIII—XIX вв. Здесь же он присоединился к евразийскому движению, близко сойдясь с его лидером П.Савицким и установив доверительные отношения с такими известными евразийцами как Л.Н.Карсавин, Н.С.Трубецкой, Г.В.Флоровский и другими. Статьи Вернадского внесли определяющий вклад в развитие исторической концепции евразийства.

Евразийство как система взглядов отличалось последовательным антизападничеством, признанием самобытности русского народа и особой роли Православия. Россию евразийцы рассматривали соборной общностью народов, «континентом в себе», сопоставимым по своему цивилизационному значению с Европой. Евразийство отразило мысль о братстве и солидарности народов, имеющих общую Родину и общую историю. Этой мыслью категорично отвергался всякий расизм. Евразийство являлось не просто историко-софской школой, но и геополитическим движением, разрабатывавшим программу обустройства будущей России. Кроме того, оно было ярким культурно-литературным явлением, оказавшим влияние на развитие русской эмигрантской литературы. Центрами деятельности евразийцев были Прага, София, Берлин, Белград, Брюссель, Париж, Харбин. Эта деятельность проявлялась в публичных лекциях, чтениях, диспутах. В Праге и в Париже работали «Евразийские семинары», собиравшие довольно большую аудиторию. Евразийцы издавали сборники статей двух серий — «Евразийские временники» и «Евразийские хроники», а также газету «Евразия» и журнал «Версты», где наряду с самими евразийцами печатались А.Ремизов, Ю.Тынянов, А.Веселый, М.Цветаева, С.Есенин, Б.Пастернак. Г.Вернадский активно участвовал в издании евразийских сборников. В «Евразийском временнике» он опубликовал такие концептуально важные работы как «Два подвига св. Александра Невского» (1925) и «Монгольское иго в русской истории» (1927). Позднее историко-философские положения евразийства Вернадский использовал в своих научных работах «Начертание русской истории» (1927), «Опыт истории Евразии с VI в. до настоящего времени» (1934), «Звенья русской культуры» (1938).

С переездом Г.Вернадского в США началась третья фаза его жизни. Благодаря стараниям его друзей он получил место преподавателя в Йельском университете (вне состава профессуры). Поначалу Георгий Владимирович испытывал в Йеле психологический дискомфорт, ибо ощущал себя чужаком среди американских коллег. Он писал в дневнике о своей несовместимости с ними: «Совершенно не подхожу к ним по интересам, по психологии»⁴, а в письме отцу жа-

ловался: «В Йеле положение мое так непрочное, не говоря о том, что жалование мне платят по американским понятиям (и условиям жизни) нищенское». Но при этом Георгий не терял присутствия духа и оптимизма: «Я твердо верю, что через несколько лет я пробьюсь в Америке»⁵. Примерно к 1933 г. он стал «обретать себя», адаптировался к американским условиям, получил уверенность. Студенты выделяли его среди других преподавателей, ценили за отсутствие всякого формализма и высокомерия. В марте 1933 г. ему было предоставлено американское гражданство. Во время Второй мировой войны Вернадский активно поддерживал СССР, часто выступал на радио с пропагандой идеи антифашистской коалиции, заявляя о себе как о русском патриоте. Не забывал он и о евразийских идеях, доказывая мысль о преемственности советского периода русской истории от периода имперского, объективно анализируя и приветствуя процессы, происходившие в Советском Союзе. Он выделял в них укрепление государственности наряду с отбрасыванием теории перманентной революции. Г.Вернадский писал в «Русской истории»: «С позиций классического марксизма русская революция на самом деле была не чем иным, как цепью очевидных парадоксов. ...Разница между сталинизмом и ленинизмом не меньшая, чем между ленинизмом и марксизмом. ...сталинизм означал национализацию революции. ...Политическая программа, предлагавшая лишь нескончаемую вовлеченность в зарубежные авантюры, не вызывала отклика»⁶.

Г.В.Вернадский работал в Йеле до 1956 г., до выхода на пенсию, одновременно читая лекции в Гарвардском, Колумбийском, Чикагском университетах. Он был признан на Западе ведущим специалистом по русской истории. Являлся членом редколлегий крупных американских и европейских исторических журналов, редактором «Славянского обозрения». В 1965 г. Американская ассоциация содействия славянским исследованиям избрала Вернадского почетным президентом. В 1970 г. ему была вручена награда «За выдающиеся заслуги в славянских исследованиях». Благодаря усилиям Вернадского в Америке была создана сильная историографическая школа, которая развивала традиции дореволюционной российской историографии и сохраняла преемственность в русской исторической науке, в то время как в СССР историография долгое время — согласно установкам «школы Михаила Покровского» — ревностно подчинялась идеологическим догмам.

Люди, близко знавшие Вернадского, отзывались о нем, как о «святой душе». Он был всегда доброжелателен к людям, бескорыстен, честен, посильно помогал собратям по эмиграции, — писателю В.Набокову, философу Н.Лосскому, историку С.Пушкарёву. Умер Георгий Владимирович Вернадский в июне 1973 г. в возрасте 85 лет. Он работал до последнего момента жизни, готовил книгу о патриархе Никоне, записывал воспоминания.

II

Список публикаций Г.В.Вернадского составил почти 300 наименований, куда вошло 22 книги, 145 статей, 65 рецензий, 65 энциклопедических материалов. Стоит учесть, что некоторые завершённые работы

Вернадского остались неопубликованными. Среди них — такие значительные как «История русской иконы», серьезная концептуальная статья «Парадоксы большевизма». Кроме того, после ухода Георгия Владимировича из жизни целый ряд его трудов оказался незавершенным.

Круг научных интересов Вернадского был необычайно широк. Еще в 1924 г. он подразделял их следующим образом: 1) русская история и история русского права в XVIII—XIX веках; 2) отношение России и русских к Востоку; 3) история Византии и византийского права. В дальнейшем тематический спектр научной деятельности Георгия Владимировича многократно расширился. Он работал чрезвычайно продуктивно. После опубликования работ, посвященных русскому масонству XVIII в. и истории русского права XVIII—XIX вв., им была напечатана однотомная «Русская история», используемая для обучения американских студентов, выдержавшая несколько переизданий на английском языке и переведенная на многие европейские языки. Это учебное пособие постоянно дорабатывалось Вернадским, его содержание в конце концов охватило хронологию, доведенную до середины 60-х гг. XX в.

В 30-е гг., кроме работ евразийского цикла, Георгий Владимирович написал в США еще несколько монографий — «Русская революция. 1917—1932», «Политическая и дипломатическая история России», «Богдан. Гетман Украины». В 1933 г. в Лондоне была выпущена книга Г.Вернадского под названием «Ленин — красный диктатор». Статьи, написанные им в США, охватывали обширный тематический диапазон, в чем можно убедиться даже на примере только нескольких наименований: «Иван Грозный и Симеон Бекбулатович», «Историческая основа русско-калмыцких отношений», «Усть-Цилемские рукописные сборники», «Церковь и государство в системе Соборного Уложения 1649 года» и т.д. В начале 70-х гг. появился такой значительный труд Вернадского как «Русская историография».

Главным делом научной биографии Вернадского стала его пятитомная «История России». В течение 16 лет — с 1943 по 1959 гг. — он через каждое четырехлетие издавал по одному тому, таким образом, вышли 4 тома. Пятый же том появился только через 10 лет. «История России» проектировалась Вернадским совместно с М.Карповичем — его близким другом — как 10-томное издание. Текстовый объем по проекту должен был делиться примерно поровну. Г.Вернадский свою часть работы выполнил, а М.Карпович не сумел, ограничившись сжатым изложением истории России XIX в. Первый том «Истории России» называется «Древняя Русь», второй — «Киевская Русь» (здесь материал очень удачно сгруппирован по тематическим разделам), третий — «Монголы и Русь», где особенно отчетливо прослеживается влияние евразийской концепции, четвертый — «Россия в средние века» (т.е. в период правления Ивана III и Василия III), пятый том — «Московское Царство» — разделен на две книги и охватывает время от начала правления Ивана Грозного до начала петровской эпохи.

III.

Русской историософии, традиции которой восходят к православным летописцам Древней Руси, всегда было присуще умение видеть

за эмпирическими данными процессы и тенденции, оценивать реальную значимость тех или иных событий. Русская историософия нацеливалась на раскрытие глубинных смыслов, пронизывающих события и явления. Влияние ее традиций не обошло стороной и научное творчество Вернадского. По его убеждению, в описании событий историк должен максимально точно отражать дух исторических источников и объяснять мысли и поступки людей, живших в то или иное время, в соответствии с их образом мысли, а не в угоду политическим установкам и стереотипам сознания, преобладающим в современной историку общественной среде. Во всех текстах Вернадского легко угадывается доброжелательное отношение к России и русскому народу. Он писал: «Русские — не просто плодovitый народ. Они — одаренный народ, чей вклад в мировую культуру в области литературы, музыки и художественного искусства, театра, балета высоко оценивается всеми, кто знаком с историей искусства не понаслышке»⁷. Политическую историю Руси-России Вернадский рассматривал в органической связи с историей Русской Православной Церкви и русской культуры.

Историософская концепция Г.Вернадского определялась следующими методологическими идеями: 1) идеей историко-культурного взаимодействия леса и степи, которое вело к созданию империи особого типа; 2) догадкой о ритмичности государствообразующего процесса, о чередовании интеграции и дезинтеграции на евразийском пространстве — от Скифии до СССР; 3) положением об особой духовно-культурной и политико-организующей роли Православия; 4) идеей цивилизационной самобытности России, предполагающей существенные отличия как от Запада, так и от Востока.

Историко-культурное взаимодействие леса и степи Г.Вернадский раскрывал как веками длящиеся контакты славян-земледельцев с кочевыми племенами. Характер этих контактов не был однозначным, постоянно менялся — мирные формы взаимодействия чередовались с военными конфликтами. В историческом соревновании двух цивилизационных стихий верх брала то одна, то другая, что предопределяло ход и драматургию исторического действия, разворачивавшегося на огромных просторах Евразии. Употребляя понятие «Евразия», Вернадский особо подчеркивал роль географического фактора в русской истории. Он указывал, что «в XVIII и XIX веках германские и русские географы ввели чисто произвольное деление России на две части — так называемую Европейскую Россию и Азиатскую Россию». Называя это представление «не обоснованным и не оправданным», Вернадский доказывал, что «географически Европейская и Азиатская Россия едины». Именно географическое единство России он и называл Евразией: «Термин Евразия выражает не неопределенную социо-историческую комбинацию Европы и Азии, а громадную специфическую географическую область земного шара»⁸.

Специфика Евразии, кроме прочего, заключалась в непрерывном взаимодействии земледельческого и кочевого культурно-хозяйственных укладов. При этом важно объективно оценивать роль кочевников в истории Евразии: «Слишком часто культурный уровень кочевников представлялся как неизменно низкий, а их участие в

становлении современного общества — как негативное. Конечно, такое обобщение неверно. ...»кочевничество» — не определение качества, а описательный термин, обозначающий тип цивилизации, но не характеризующий состояние развития...с чем бы ни приходили кочевники — с миром или войной, веками они поддерживали связи между рассеянными очагами оседлой цивилизации. ...каждое из нашествий приносило новую культурную модель, оставляло свой неизгладимый отпечаток на территории, которая стала Россией»⁹. Отношения «леса» и «степи» подчинялись определенной цикличности. До конца княжения Святослава Игоревича им предпринимались попытки объединить «лес» и «степь»; затем — вплоть до Батыева нашествия — между двумя мирами шла примерно равная борьба. Период, когда Русь находилась в зависимости от Орды, прошел под знаком перевеса «степи» над «лесом». С середины XV в. до петровских реформ шло нарастающее контрастирование Руси на степные ханства, а имперский период олицетворял собой объединение «леса» и «степи».

По мнению евразийца Вернадского, историческая наука фактически прошла мимо такого значимого факта, как христианизация, «обрусение» степных народов. В этом факте выявилось закрепление за Московской Русью роли «наследницы» Золотой Орды. Вернадский считал, что татарский источник российской государственности — помимо византийского и славянского — являлся весьма влиятельным. При дворе Василия Темного употреблялся татарский язык, откуда в русский лексикон переливались многочисленные заимствования. При Иване Грозном заметную роль в его окружении играли касимовские татары и кабардинцы. Многие представители русской управленческой, военной и духовной элиты были потомками выходцев из Орды: 156 русских дворянских фамилий имели татарское или иное восточное происхождение.

Термин «Евразия» нацеливает на понимание роли такого фактора в русской истории, как этнические контакты, этнический симбиоз: «Даже на ранних стадиях русской истории многие финно-угорские, североиранские (аланские), черкесские и тюркские племена жили рядом с русскими, и часть из них (в особенности некоторые финно-угорские племена) были постепенно поглощены потоком русской колонизации»¹⁰. Г.Вернадский говорило «неуничтожимых следах иранского влияния на карте России, поскольку во множестве случаев географические названия, в особенности в Южной Руси, происходят из иранского языка», напоминал о «производных от иранского в языках славян, финнов в хозяйственной и земледельческой терминологии»¹¹.

Стоит отметить, что Г.Вернадский вовсе не идеализировал отношения Руси с ее восточными соседями. В частности, он признавал, что Батыев погром стал для Руси национальной катастрофой, привел к оскудению людских, материальных, финансовых ресурсов, к упадку ремесел и снижению значения городов. Однако трагедия 1237 г. не означает, что весь период русско-ордынских взаимоотношений нужно изображать исключительно в черных красках. После похода Батыя русская история не закончилась. Многое стало зависеть от дипломатического искусства русских князей, от их страте-

гического чутья. Об этом Г.Вернадский убедительно рассказал в своих статьях «Два подвига св.Александра Невского» и «Монгольское иго в русской истории». В отношениях с монголами были возможны две линии стратегического поведения — либо дипломатия, либо конфронтация. Обе из них реализовались: первая — Александром Невским, вторая — Даниилом Галицким. Александр и Даниил выразили собой два исконных типа русских политиков — тип «восточника» и тип «западника». Линия Александра позволила сохранить русскую самоидентификацию и — более того — создать впоследствии мощное Российское государство. Линия Даниила привела к потере такой самоидентификации, к расколу русского мира, до сих пор дающего о себе знать в окатоличенной Галиции. В эпоху Александра и Даниила Русь оказалась «в тисках», подвергнувшись нападению не только со стороны Азии, но и со стороны латинской Европы. Она «могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла»¹².

Благодаря стратегии Александра Русь не была поставлена под прямой политический контроль, как это было сделано с Персией и Китаем. Была сохранена династия Рюриковичей. Ордынские ханы не посягали на культуру, вероисповедание и историческую память Руси. Северо-Восточная Русь, находясь в сфере влияния Монгольской империи, оказалась в системе связей, охвативших пол-мира. Юго-Западная Русь под властью Литвы и Польши стала объектом провинциально-мелких интересов. Империя не опускалась до нивелировки культурного облика своих частей. Польская же шляхта замучила белорусов и украинцев цензурой и ограничениями, запрещающая Православие и русский язык.

Смягчение отношения Орды к русским княжествам произошло при хане Менгу-Тимуре, давшему охранную грамоту Русской Православной Церкви и автономию Новгороду. После Куликовской битвы, польско-литовской унии 1385 г., разгрома Тохтамыша Тамерланом в 1395 г. наступил качественный перелом в русско-ордынских отношениях. Польша стала для Руси более опасной, нежели Орда. Уже в середине XV в. — за три десятка лет до получения Русью полной политической независимости — на нижней Оке образовалось вассальное Москве Касимовское ханство. К тому моменту «Русская земля в политическом отношении была включена в огромный исторический мир, простиравшийся от Тихого океана до Средиземного моря»¹³. Начало динамичного продвижения русских на восток началось в середине XVI в. с завоевания Казани и Астрахани. На западе Россия сталкивалась со сплошными проблемами, на востоке же открывались грандиозные перспективы: «...русские без большого шума строили себе новую империю в Сибири»¹⁴.

IV

Высказывая идею ритмичности государствообразующего процесса на территории Руси России, Г.Вернадский употреблял выражение «пульс истории», под которым подразумевал чередование подъемов и спадов в развитии. Он писал: «Среди причин периодов подъе-

ма были: здоровая экспансия, конструктивное политическое лидерство и работоспособная администрация, равно как и мудрая внешняя политика. Депрессия порождалась истощающими войнами, иностранной интервенцией, социальными движениями и стихийными бедствиями, такими как эпидемии и голод. Обуславливающим эти очевидные причины был ритм смены поколений. Например, поколение людей, активных в 1550-х гг. (как и активное поколение 1480-х) характеризовалось высоким процентом одаренных личностей, а опричный террор практически уничтожил талантливые кадры»¹⁵. Вернадский, характеризуя роль человеческого фактора в истории, применял понятие «жизненная энергия». В связи с этим стоит заметить, что Л.Н.Гумилев, создавая свою «теорию пассионарности», опирался на многие догадки и идеи Вернадского, что ясно просматривается при сопоставлении текстов их работ. Л.Н.Гумилев никогда и не скрывал своего почтительного отношения к евразийской историографической школе, публично именуя себя «последним евразийцем»¹⁶. Более того, он находился в достаточно близких отношениях с П.Н.Савицким и переписывался с Г.В.Вернадским. В 1970 г. Вернадский писал Гумилеву, что ему представляются очень интересными труды Льва Николаевича: «Все это дает большой толчок мысли. Буду думать!»¹⁷. Два незаурядных ученых вели между собой творческий диалог. Среди других идей Гумилеву в особой степени была близка идея исторических ритмов, выраженная Вернадским следующим образом: «Ритмическая периодичность в истории человечества зависит от действия космических, биологических, психических, географических, политических, экономических и социальных сил, а также климатических условий»¹⁸. Другими словами, основой методологии изучения истории предлагалось сделать, во-первых, динамический принцип; во-вторых, комплексный учет всех наличных факторов; в-третьих, принцип целостности и единства исторического бытия, отрицающий вульгарный социологизм.

Г.Вернадский рассматривал Евразию как арену исторического творчества русского народа, выделяя в качестве наиболее интересного сюжета в этом творчестве колонизационные процессы: «Когда русский народ впервые появился на исторической арене в период между III и IX вв., он занимал только западный угол Евразии к северу от Черного моря. Из этой небольшой территории, двигаясь на восток, русские поселенцы к 1650 г. достигли берегов Тихого океана. ...в этом великом движении на восток русский народ продемонстрировал много мужества и решительности». Вернадский делал важную оговорку, рассчитанную на западных читателей и касающуюся соблазна отождествить колонизацию, представлявшую собой естественный процесс, с неким «империализмом»: «Это совсем не «империализм» и не проявление мелких политических честолюбий российских государственных деятелей. В конечном счете, это необоримая логика географии, которая лежит в основе всей истории. ...Все цивилизации являются в некоторой степени результатами географических факторов, но история не дает более наглядного примера влияния географии на культуру, чем историческое развитие русского народа»¹⁹.

Землепроходство как доминантная черта русской истории появилось еще до образования Киевской державы. В состав Древнерусского государства входили обширные территории от Финского залива и Белого моря до Черного и Каспийского морей, русскими заселялись Нижний Дунай, Днестр, Приазовье, Причерноморье, часть Прибалтики. Уже в то время новгородцы осваивали север Урала и Югру. Одним из негативных следствий децентрализации власти в XII в. тала потеря русскими многих территорий из-за резко усилившегося давления на Русь со стороны ее соседей. Русскую колонизацию Г.Вернадский связывал прежде всего с крестьянством: «С точки зрения истории распространение русского земледелия заложило основы экономического объединения Евразии. В этом смысле русский крестьянин может быть назван главным героем русской истории»²⁰.

Примерно с середины XVI в. в русской истории утвердилась тенденция к постоянному и устойчивому росту размеров государственной территории и численности населения. В освоении Сибири, наряду с крестьянством, важную роль сыграли служилые люди и вольные казаки. Сибирь заселялась русскими необычайно быстро, на что влияли характерные принципы русской колонизации, отличавшие ее от колонизации англосаксонской или испанской. Русская колонизация могла быть успешной только при соблюдении этнической терпимости. Г.Вернадский с явным энтузиазмом повествует о продвижении русских на восток, в том числе — об освоении Аляски и строительстве там Новоархангельска, об основании Александром Барановым русской колонии в Калифорнии, о его проектах по превращению Тихого океана в «Русское море», о походе капитана Геннадия Невельского в устье Амура и закреплении Приморья а Россией, о словах Николая I: «Где однажды поднят русский флаг, он не должен быть спущен»²¹. Освоение евразийских просторов и создание крупнейшего в мире государства стало одной из самых героических страниц истории русского народа. Но на рубеже XX—XXI вв. потомки русских землепроходцев столкнулись с проблемой сохранения территориального наследия. После распада СССР она не исчезла и остается болезненной. Мировая закулиса стремится перечеркнуть результаты многовекового исторического творчества русского народа, о чем поведала одиозная Мадлен Олбрайт: «Несправедливо, что русские владеют такими пространствами»²². Вынашиваются планы окончательного расчленения России как евразийской державы. В развитии событий многое будет зависеть от силы генетической памяти русских людей и степени их исторической ответственности как перед предками, так и перед потомками.

V

Г.Вернадский в своих работах подчеркивал, что особую роль в русской истории выполнило Православие, которое он называл «живой энергией русской культуры», а также «смыслом исторического своеобразия русской культуры»²³. По его представлениям, на восточнославянской почве сформировался местный, особенный вариант Православия, в котором элементы византийского христианства

сочетались с языческим почитанием солнца и поклонением перед силами природы. Православие дало мощный импульс подъему русской культуры — прежде всего, за счет возможности развивать родной язык, влившийся в русло кирилло-мефодиевской традиции, к моменту крещения Руси закрепившейся в братских Болгарии и Сербии. Католичество же с его латынью запрещало богослужение и выпуск богословской литературы на славянском языке. В своей статье, посвященной униатским ухищрениям Ватикана в XV—XVI вв., Вернадский приводит слова одного из руководителей иезуитов, сказанные им в 1577 г.: «Никто с помощью славянского языка ученым быть не может»²⁴. Неудивительно поэтому, что при всей веротерпимости, органически присущей православному мироощущению, русские с большим подозрением относились к католицизму, а позднее — и к протестантским течениям.

Православие было двигателем русского этногенеза. Этническим сознанием русичей размежевание по линии «свой-чужой» связывалось с делением на православных и неправославных. «Своими» становились крещеные угро-финны, татары, аборигены Сибири, многие выходцы из западных стран. Никакой воинствующей этничности в ее ветхозаветной редакции ни в Киевской Руси, ни в императорской России со стороны русских не было.

Верность Православию диктовала историческое поведение русских людей. К примеру, именно ею определялся выбор стратегической линии Александра Невского, «основным камнем политической системы» которого и было «спасение православной веры». Вернадский писал: «Раз основа была неколебимая и прочная — Александр уже не боялся искать любых исторических союзников, чтобы эту основу утвердить. ...Монгольство несло рабство телу, но не душе. Латинство грозило исказить самое душу»²⁵. Спасение души — главный мотив в Православии. Если зло угрожает душе — вместилищу Царства Божия, то ему необходимо давать отпор. Никакого непротивления в этом случае быть не может. В житии Александра Невского рассказывается, как он, узнав о высадке шведов на берегах Невы, «разгорелся сердцем, вниде в церковь Святыя Софьи (в Новгороде), ...нача молиться:...суди, Господи, обидящим мя, приими оружие и щит, стань в помощь мне». «Житие» подчеркивает богоугодность противления злу. Когда Александр после Чудского побоища возвратился в Псков, ему на торжественном молебне пропели хвалу за то, что «оружием крестный град Псковъ свободити отъ поганыхъ иноплеменикъ»²⁶.

Русская Православная Церковь, преодолев последствия Батыева погрома, оказалась более независимой от княжеской власти, чем во времена Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого, поскольку была защищена как авторитетом Константинопольской патриархии, так и ханской охранной грамотой. Именно Церковь приступила к собиранию материальных ресурсов и духовных сил для объединения Руси, поддерживала централизаторские устремления московских князей, без чего те вряд ли сумели бы осуществить свои планы. У Г.Вернадского были все основания для утверждения: «Духовным основателем Московского Царства было православное христианство»²⁷. В период зависимости Руси от Орды было организовано

четыре новых епархии, причем одна — в столице Орды Сарае. В первое столетие ордынского периода было основано 30 монастырей, во второе — примерно 150. Еще сильнее укрепились позиции Русской Церкви после Флорентийской унии, когда в глазах православных Русь стала олотом истинной веры. Это было характерным даже для многих византийцев, узнавших, что в Москве отказались признать унию с папистами. В самой же Византии уния, писал Вернадский, «делала греков безучастными к политической своей судьбе... В Константинополе крепло настроение, что лучше власть турок, чем латинян»²⁸. По поводу униатства он написал статью для сборника «Россия и латинство», изданного в Берлине в 1923 г. Евразийским книгоиздательством. Тогда Русскому Православию угрожал воинствующий атеизм, а за рубежом среди эмигрантской интеллигенции распространялись идеи Владимира Соловьева в пользу унии с католиками. Евразийцы же убежденно считали Православие основой русского самосознания. Вернадский, стремясь развеять иллюзии русских «западников», писал в своей статье: «Нигде уния не была действительным «соединением» церквей; она почти всюду была или вынужденной или неискренней, или простою подготовительной ступенью для перехода в латинство»²⁹. Он напоминал об идеях православного единства, выдвигаемых восточными патриархами, к примеру — Патриархом Иерусалимским Паисием, убеждавшим Богдана Хмельницкого в важности союза православных стран — Московии, Украины, Молдавии, Валахии³⁰.

Г.Вернадский развенчивал запускаемый атеистами и некоторыми либералами миф о якобы имевшем место «неприятии Православной Церковью дела просвещения», приводя, кроме прочих, и такой показательный факт: в предисловии к «Славянской грамматике», написанной украинским монахом Мелетием Смотрицким и выпущенной в Москве в середине XVII в., утверждалось, что отцы Церкви высоко чтити знание грамматики, философии, риторики, астрономии и понимали важность знаний. Там говорилось также, что в корне неверна позиция тех христиан, которые опасались неблагоприятного влияния наук на чистоту веру, что нельзя ставить в один ряд поборников богопознания и псевдоученых, в тщеславной гордыне претендующих на абсолютное знание. Издатели «Славянской грамматики», напечатавшие предисловие, говорили: «Мы принимаем то, что благотворно для жизни и веры, и мы высоко ценим образование. И, конечно, было бы гнусно и непростительно, если бы кто-либо хвастался своим невежеством»³¹. Вернадский подчеркивал, что в Московской духовной академии в XIX в. учащиеся получали «солидную научную тренировку — гораздо более серьезную, чем подготовка в тогдашнем Московском университете»³².

Г.Вернадский обращал внимание на то, что именно Православие помогло русским приобщиться к достижениям философской мысли: «С XI по XVII в. русские имели в своем распоряжении значительное число философской литературы, переведенной с других языков»³³. Философскому образованию на Руси немало способствовала «Диалектика» Иоанна Дамаскина. В Киевской Академии преподавание философии базировалось на Аристотеле, здесь читались курсы по логике и психологии. Московский священник Ермолай-Еразм на-

писал теологически-философскую трилогию о космическом значении Святой Троицы. Большое внимание на Руси уделялось историко-софским проблемам: в хронографе 1512 г. русская история рассматривалась как важнейшая часть мировой истории; в Степенной книге приводилось обоснование особой исторической роли Московского Царства.

Православие оказало заметное воздействие и на социальную организацию, формировавшуюся на Руси. Принцип православной соборности воплощался на практике. В Киевской Руси непреодолимых барьеров между социальными группами не было. Православие отвергало фальшивую элитарность. Вернадский приводит цитату из византийского учебника законов конца IX в., где было записано: «Особо надлежит Патриарху назидать, одинаково относясь к вельможам и простолюдинам»³⁴. Идея равенства всех перед Богом, неприятие ложно понятой избранности — это сущностные характеристики Православия. На Руси церковные иерархи и лучшие представители княжеской власти — Владимир Креститель, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский — видели в народе опору и Церкви, и государства, относились к нему как к соборной общности. Ермолай-Еразм, автор философской трилогии о Святой Троице, называл крестьянство главной силой государства, в священстве видел выразителя подлинных духовных знаний и критиковал бояр за корпоративный эгоизм, подрывавший национальное единство.

VI

В книге «Киевская Русь» Г.Вернадский ставит вопрос: «Европа ли Россия?» и анализирует возможные ответы на него, приходя, в конце концов, к выводу, что и европейцы, и русские дают на этот вопрос отрицательный ответ. Он делает ссылку на Дж.Мариотта, утверждавшего: «Россия не является и никогда не являлась членом европейской семьи», и на Н.Данилевского, критиковавшего штампы сознания, отождествляющие мировую цивилизацию с романо-германской, и подчеркивавшего, что в таком смысле Россия Европой, естественно, не является. Сам Вернадский обращал внимание на объем контактов России с Европой, который был во все времена большим настолько, что можно, казалось бы, и признать Россию европейской страной. Но «Россия — сама по себе целый мир, целый субконтинент не только географически, но и политически, и культурно», — пишет Вернадский, — «ее историческая колея — если не всегда, то часто — расходилась с путями других европейских держав»³⁵. Он резонно указывал, что «ни одна нация никогда не являлась и не является полностью изолированной», что история человечества — это история межэтнических контактов. При этом не менее резонно полагал, что нет никаких оснований изучать мировую историю исключительно с позиций европоцентризма. Тем самым методология Г.Вернадского вступила в очевидное противоречие с марксизмом, подчинявшим себе почти всю советскую историографию. Марксистская методология истории доказывала наличие универсальных закономерностей, присущих развитию всех стран без ис-

ключения. Критерием универсальности для марксистских историков служил западноевропейский опыт, поэтому русская история ими усердно «загонялась» в рамки западноевропейских понятий, в рамки искусственной универсальности.

К примеру, историки-марксисты раздробленность на Руси называли не иначе как «феодальной», уже самим термином обозначая идентичность этих процессов в Западной Европе и на Руси. Разумеется, что у них вызвал немалое недовольство тезис Вернадского, согласно которому «построенная на другом фундаменте экономическая и социальная структура Руси раннего средневековья отличалась от европейской. ...В любом случае, в Киевской Руси, как и в Византии, монетарная экономика превалировала над натуральным хозяйством. И, в отличие от Запада, не феодальное поместье, а город был главным фактором экономической и социальной эволюции страны»³⁶. В книге «Киевская Русь» главу, посвященную децентрализации Руси, Г.Вернадский назвал не «Феодальная раздробленность», как это делали все советские историки, а «Русская федерация». Разница в названиях означала не только различие в методологических подходах: освещение самой исторической реальности было совершенно иным. Вернадский показывал, что — в отличие от феодальной Европы — на Руси полного распада общей государственности не было. Он предупреждал, что европоцентризм в методологии истории не безобиден: «Мы должны признать существование не одной, а двух Европ — Западной и Восточной. ...историческая роль Восточной Европы долгое время недооценивалась. Даже сейчас в общих работах по средневековой истории под «Европой» обычно подразумевают Западную Европу, а к Восточной относятся как к ненужному придатку, если вообще принимают во внимание.

В пренебрежении к восточно-европейской истории не последнюю роль, несомненно, сыграли расовые предрассудки, особенно традиционное презрение германцев к славянам»³⁷. Вернадский свидетельствовал о том, что расовые теории в Европе и США получили сильное распространение и приводил показательный пример: в 1933 г., когда в Германии к власти пришел А.Гитлер, в Соединенных Штатах была переиздана книга Д.Бургеса, написанная еще в 1917 г. — «Основы политической науки», в которой, среди прочего, содержалось такое «научное открытие»: «...совершенно необходимо, чтобы политическая организация, на самом высоком уровне, греческой и славянской наций была взята на себя иноземной политической силой». Такой «политической силой» Бургес называл германские народы. Вернадский видел, что подобные взгляды имели довольно широкое хождение, поэтому он понимал всю двусмысленность европоцентризма и неумеренного западничества в русской общественной мысли. В марксистской методологии европоцентризм проявился больше в теории, чем в практике, поскольку Советский Союз прямо обозначил себя в роли геополитического конкурента Запада. А радикал-либералам, пришедшим к власти в России на рубеже 80—90-х гг., европоцентризм продиктовал конкретно-практические действия, реализацию социально-экономических проектов в виде «шоковой терапии», обвала производства, долларизации экономики, невиданного социально-имущественного расслоения общества. Результаты ме-

ханического внедрения западной модели на русской почве обескуражили даже многих представителей Запада — главный консультант либеральных реформаторов в России Джеффри Сакс так высказался о выполнении предписаний МВФ в нашей стране: «Мы вскрыли грудную клетку больного, но у него оказалась другая анатомия». Впрочем, подобные признания западных советников пока не приводят к существенной корректировке социально-экономического курса, проводимого российской радикал-либеральной элитой. В связи с этим важны и актуальны предупреждения тех русских людей, которые оказались в эмиграции на Западе (не по своей воле) и получили возможность изучить его суть «изнутри» — это и Г.Вернадский, и А.Солженицын, и А.Зиновьев, и В.Максимов. Так, В.Максимов заявил: «Может быть, я скажу вещь кошунственную и шокирующую, но я не вижу будущего России на Западе. ...Давайте посмотрим на карту мира. Все выбирают свой путь. Почему же у России его не может быть? ...Почему же нам, после нашего страшного опыта, не поискать свой путь? Почему опять чужой образец? Мы же взяли марксизм, примерили его на себя, и что получилось? И не променяем ли мы опять шило на мыло? Россия — очень своеобразная страна, с множеством народностей и наций. Своего рода Америка, но византийского, восточного типа. Не может в ней работать определенный стереотип, определенное клише, отработанное на Западе. Я склоняюсь все-таки к евразийству. Может быть, в этом наша судьба»³⁸.

БИЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 413.
- ² Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Суждения потомков. М., 1993. С. 219, 291.
- ³ Вернадский Г.В. Русская историография. С. 420.
- ⁴ Там же. С. 439.
- ⁵ Там же. С. 440.
- ⁶ Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. С. 419.
- ⁷ Там же. С. 8.
- ⁸ Там же. С. 10—11.
- ⁹ Там же. С. 12—13.
- ¹⁰ Вернадский Г.В. Московское Царство. Ч. II. Тверь; М., 2000. С. 252.
- ¹¹ Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 115.
- ¹² Вернадский Г.В. Два подвига св.Александра Невского // Наш современник. 1992. № 3. С. 152.
- ¹³ Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Наш современник. 1992. № 3. С. 161.
- ¹⁴ Вернадский Г.В. Русская история. С. 128.
- ¹⁵ Вернадский Г.В. Московское Царство. Ч. II. С. 261.
- ¹⁶ Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 33.
- ¹⁷ Лавров С.Б. Л.Н.Гумилев и евразийство: вступит. статья к кн.: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 15.
- ¹⁸ Вернадский Г.В. Московское Царство. Ч. II. С. 255.
- ¹⁹ Вернадский Г.В. Русская история. С. 12.
- ²⁰ Там же. С. 15.
- ²¹ Там же. С. 227.
- ²² Бесова Е. За други своя // Завтра. 2002. Май. № 19. С. 6.
- ²³ Вернадский Г.В. Два подвига св.Александра Невского. С. 154.
- ²⁴ Вернадский Г.В. Соединение церквей в исторической действительности // Вопр. истории. 1994. № 7. С. 170.

- ²⁵ Вернадский Г.В. Два подвига св.Александра Невского. С. 154.
²⁶ Там же. С. 155.
²⁷ Вернадский Г.В. Московское Царство. С. 5.
²⁸ Вернадский Г.В. Соединение церквей в исторической действительности. С. 168.
²⁹ Там же. С. 173.
³⁰ Вернадский Г.В. Московское Царство. Ч. I. С. 411.
³¹ Там же. С. 391.
³² Вернадский Г.В. Русская историография. С. 84.
³³ Вернадский Г.В. Московское Царство. Ч. II. С. 282.
³⁴ Вернадский Г.В. Московское Царство. Ч. I. С. 24.
³⁵ Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь; М., 2001. С. 8, 11.
³⁶ Там же. С. 15—16.
³⁷ Там же. С. 17.
³⁸ Земскова Т. Останкинская старуха // Наш современник. 2002. № 4. С. 89.

В.Д.ШМЕЛЕВ

РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ XIX В. И ЭТИКОТЕОЛОГИЯ И.КАНТА

Если говорить об отношении русской религиозной философии к кантовскому наследию, то, очевидно, что оно представляет собой конкретное проявление диалога двух культур, обладающих оригинальностью и самобытностью. Диалог был обусловлен тем, что российская философская культура, в силу своего пребывания в уникальном географическом регионе, включающем часть европейского и азиатского континентов, оказалась как бы на перепутье двух дорог, постоянно стремясь, с одной стороны, усвоить философскую мысль Европы, как наиболее развитую и передовую, а, с другой — неизбежно вбирая в себя (иногда даже не осознавая этого) определенные идеи восточной философии, Взаимовлияние Востока и Запада получило здесь (на российской земле) благоприятные, можно сказать, тепличные условия для своего осуществления, а сама русская философия предстала в роли живого связующего моста европейских и азиатских философских обобщений,

Конечно, выполняя эту функцию философская мысль России в различное время по-разному относится к их достижениям. С XIX в. и вплоть до наших дней преобладающим влиянием в умах русских мыслителей пользуется немецкая философия, в частности, во второй половине столетия кантовский трансцендентальный идеализм. Творчество немецкого философа по-разному затронуло струны русской философской души. Пожалуй, в большей степени российские теоретики относились с почтением к этике И.Канта, а также к его гносеологии и онтологии. Непосредственно религиозные взгляды мыслителя первоначально оказались на периферии и как бы в тени. По-видимому, такое отношение было вызвано тем, что протестантизм и православие — разительно отличающиеся друг от друга конфессии. Протестантизм апеллирует к мирским ценностям, в то время как православие в значительной мере ориентировано на потустороннее и трансцендентное. Отсюда — и холодность к кантовским религиозным идеям, близким по духу к протестантским воззрениям.

В первой половине XIX в., когда русская православная церковь реально не испытывала сильного социального давления и остава-